

18. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. Т. I – II. Екатеринбург, 2001–2002.
19. Дьякова В. И. Ареальная характеристика местной географической терминологии Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: ВГУ. С. 101 – 107.
20. Словарь русских народных говоров. Вып. 1- 35. М.; СПб, 1965–2002.
21. Архангельский областной словарь / Под ред. О. И. Гецовой. М., 1982. Вып. II.
22. Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала / Ученые записки УрГУ. Языкознание. Екатеринбург, 1959. Вып. 32.
23. Полякова Е. Н. От «араины» до «яра». Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988.

Инна Владимировна СОЛОВЬЕВА —
*доцент кафедры немецкой филологии,
 кандидат филологических наук*

Светлана Николаевна ШИРОКОВСКИХ —
*преподаватель лингвистического центра,
 г. Радужный*

УДК 81'37

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «КАТАСТРОФА»

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается содержательная структура и фреймовая модель концепта «катастрофа», описываются средства его репрезентации в немецком языке.

The article is concerned with the semantic structure and the frame model of the concept «catastrophe», its means of representation in the German language.

Обращение современных ученых к концепту — базовой категории когнитивной лингвистики объясняется новой трактовкой языка как общекогнитивного механизма. Одной из задач когнитивно-лингвистических исследований является описание структуры концептов лингвистическими средствами путем описания максимального числа слов и выражений, вербализующих тот или иной концепт в национальном языке. Концепт в когнитивной лингвистике понимается как ментальное образование высокой степени абстрактности и включает не только вербализованные, типичные признаки явления или предмета, но и все коннотации, обусловленные культурой данного народа, сферой употребления, образных представлений [1]. Концепт можно рассматривать не только как единицу национальной картины мира, но и как результат субъективного, индивидуального познания, обобщения, категоризации, поэтому всякая его типизация, подведение под общий знаменатель всегда будет представлять его существенное упрощение [2].

Лингвисты сходятся во мнении, что каждый концепт состоит из ряда концептуальных признаков, образующих концептуальные уровни, то есть представляет собой некую структурированную единицу. Однако концепт имеет нежесткую структуру и его структурное моделирование достаточно сложно, поэтому при концептуальном анализе используются различные виды фреймов: предметноцентрические, акциональные, патронимические, гипонимические и ассоциативные. Данные типы фреймов комбинируются друг с другом, образуя интегративные концептуальные модели [3].

В данной статье представлены результаты анализа содержательной структуры концепта «катастрофа», проведенного на материале немецких художественных и публицистических текстов, содержащих описания различных видов катастроф.

Концепт «катастрофа» является абстрактным обобщением ряда трагических событий с роковыми последствиями: наводнений, лесных пожаров, цунами, землетрясения, лавин, извержений вулканов, эпидемий, крушений самолетов и поездов. В отличие от большинства концептов абстрактного порядка концепт «катастрофа» отличается отсутствием лингвокультурной этносемантической специфики, о чем свидетельствуют его словарные дефиниции. Так, в толковом словаре русского языка «катастрофа» определяется как событие с тяжелыми трагическими последствиями [4], в словаре иностранных слов — как «внезапное бедствие, событие, влекущее за собой тяжелые трагические последствия» [5]. Немецкий толковый словарь определяет понятие катастрофы как поворот, изменение с опустошительными последствиями (Katastrophe ist Wendung, Umkehr, ein schweres Unglück mit verheerenden Folgen) [6]. Согласно определению энциклопедического словаря Брокгауза, катастрофа — это разрушение, природное явление, с опустошительными последствиями (Katastrophe ist ein Zusammenbruch, ein Naturereignis mit verheerender Wirkung) [7]; а толковый словарь английского языка трактует катастрофу как внезапный несчастный случай широкого масштаба, сокрушающее несчастье или бедствие, внезапное, мощное разрушение поверхности земли, разрушающая система вещей (Catastrophe — sudden or widespread or noteworthy disaster event, any overwhelming misfortune or failure; a sudden violent disturbance esp. of the earth surface, a final event or conclusion subverting system of things) [8]. В каждой из представленных дефиниций выделяются разные компоненты лексического значения. В трех дефинициях из пяти упоминаются признаки разрушения, внезапности и несчастья, в двух — масштабности, в одном — признак переворота. Именно данные признаки позволяют отличить явление катастрофы от других, поэтому они называются дистинктивными. Дистинктивные признаки являются составной частью дефиниционной структуры концепта.

Помимо уже названных дистинктивных признаков понятийная компонента концепта включает так называемые энциклопедические признаки. К последним относятся избыточные признаки, не входящие в дефиниционные. Совокупность дистинктивных и энциклопедических признаков отражает ментальные репрезентации концепта в сознании носителя языка. Опрос информантов показал, что для носителей немецкого языка катастрофа — это прежде всего событие, ставящее под угрозу жизнь человека, а анализ текстов художественной, публицистической и научно-популярной литературы, содержащих описания катастроф, позволяет сделать вывод, что к энциклопедическим признакам исследуемого концепта, не совпадающим с дистинктивными, относятся смерть, страх, безвыходность ситуации, страдание, несчастье и разрушение.

Значимостная компонента концепта включает этимологические и ассоциативные признаки [9]. Греческое слово *katastrophein* сложилось из двух основ *kata* — «вниз, направленный книзу», и *strophein* — «поворот, переворот» и означает ниспровержение, поражение, переворот. Несмотря на то, что для носителей немецкого языка внутренняя форма слова остается неизвестной, в описаниях катастроф часто встречаются лексические единицы, в значении которых присутствуют данные компоненты значения, например, глаголы со значением поворота, изменения состояния — *auslösen*, *aufplatzen*, *verbrennen*, *ausbrechen*, *zusammenfallen*:

Kaum befand er sich im Freien, als die ganze schon erschütterte Strasse auf eine zweite Bewegung der Erde völlig zusammenfiel (H. Kleist. Das Erdbeben in Chili, s. 6).

Значение «движение вниз» присутствует в глаголах в качестве индивидуальной семы, или в глагольных приставках с соответствующим значением, например, *ab-*, *herab-*, *unter*:

Das alles ging mir in einem schreienden inneren Dialog durch den Kopf, als ich am vergangenen Dienstag zitternd vor Furcht in einem Autostau in Nordmanhattan steckte, nichts bewegte sich mehr, ewiger Verkehrsstilstand, während vor mir die babilonischen Doppeltürme in Feuer und Asche versanken (<http://www.zeit.de>, 2001: № 39).

Die Decke des Gebäudes, in der sich auch der Kindergarten befand, war herabgestürzt (Die Welt, 2002: 02. 11).

К значимостному компоненту концепта относятся также ассоциации, вызываемые катастрофой. Опрос информантов показал, что индивидуальные представления или образы, актуализируемые в сознании в связи с катастрофой, связаны в первую очередь с негативными эмоциями и чувствами: страдание (Leid), страх (Angst), ужас (schrecklich), беспомощность (hilflos), отчаяние (Verzweiflung), гнев (Ärger), паника (Panik), обморок (Ohnmacht), хаос (Chaos), ущерб (Schäden), внезапность (plötzliches Erscheinen, plötzlich, unerwartet), 11 сентября (der 11. September), помощь (Hilfe), личные судьбы (persönliche Schicksale), забота (Sorge), сострадание (Mitleid) и др. Данный ассоциативный ряд дополняют метафорическое сравнение катастрофы со смертью, а ее последствий с ранами:

Der Tod ist zu unseren Fenstern hereingestiegen und in unsere Häuser gekommen. Er würgt die Kinder auf der Gasse und die jungen Männer auf den Plätzen (Der Spiegel, 2002: № 1).

Doch am Ort der Zwillingsstürme werden die Menschen in Zukunft genauso hinzeigen, wie sie in Berlin auf Bonbenlücken und weggesprengte NS-Machtzentralen zeigen. Sie werden sagen: «Diese Wunden haben unsere Geschichte beeinflusst» (Die Zeit, 2001: № 41).

Ассоциации иллюстрируют отношение подобия, основанное на сближении предметных концептов в мышлении человека. Данные ассоциативные связи отражаются в концептуальной метафоре. Когнитивными метафорами представлена образная компонента концепта.

Проанализировав метафоры, используемые при описании катастроф, мы выделили несколько метафорических моделей. В большинстве случаев катастрофа рассматривается как антропоморфное существо, в ряде текстов развертывается модель «катастрофа = убийца»:

Was zunächst als Seuche von Schwulen und Junkies galt, entpuppte sich bald als Killer für alle: die Pandemie Aids (Die Zeit, 2002: №5).

Ein Taifun hat auf den Philippinen und in Taiwan knapp 40 Menschen getötet und schwere Verwüstungen angerichtet (Süddeutsche Zeitung, 2001: 05. 07).

Разрушающая мощь и неподконтрольность сил природы человеку реализуется в модели «катастрофа = чудовище»:

Flüsschen, die Miglitz, Weisseritz, oder Priessnitz heissen, werden zu Monstern, die Häuser und Brücken niederwalzen oder auseinanderreißen — so dass sie aussehen wie zerschnittene Puppenhäuser (Der Spiegel, 2002: № 4).

Сравнивая реки, вышедшие из берегов с монстрами, а землетрясение с чудовищем, обитающим под землей, описывая катастрофу как убийцу или как некое существо, которое угрожает, давит, разрывает, душит человека, уничтожает все, что им создано, люди передают ощущение страха, паники и ужаса.

Достаточно часто (7% от общего количества метафор) при описании катастрофы используется модель: «катастрофа = конец света». Апокалипсис воплощает идею неминуемой кары за грехи человечества, таким образом, разрушение и гибель всего, что окружает человека, связывается с его иррациональной деятельностью.

An die Apokalypse des 11. September erinnern nur ein paar der stehengebliebenen Gebäude in der unmittelbaren Nachbarschaft: verkohlte Fassaden, verbrannte Dachsparren, in der Hitze geplatzt Gemäuer (Die Zeit, 2002: № 6).

Die Weltuntergangsstimmung in Sachsen und Bayern, erste Schreckenszenen aus Thüringen und Sachsen-Anhalt: tief hängende Wolken tauchten weite Teile des östlichen Deutschlands in trübes Licht; es regnete ohne Pause (Der Spiegel, 2002: № 34).

Результаты анализа показывают, что когнитивные метафоры, посредством которых описываются катастрофы, отражают дистинктивные и энциклопедические признаки концепта «катастрофа», среди которых несчастье, страдание, страх, смерть и др.

Логическим продолжением традиционного семантического описания является концептуальный анализ. Фреймовое описание концепта позволяет понять, как тот или иной концепт представлен в человеческом сознании. М. Минский полагает, что человек моделирует реальный мир в своем сознании в виде большой совокупности определенным образом сформированных данных [10]. Каждая модель данных представляет собой необходимую минимальную структуру признаков объекта или явления (т. е. его фрейм), позволяющую идентифицировать этот объект. Фреймы в противоположность простому набору ассоциаций содержат типичную информацию и имеют более или менее конвенциональную природу, поэтому они могут определять и описывать, что в данном обществе является характерным [11]. Минимальные признаки, формирующие фреймовую ситуацию, которая не является конкретной, а объединяет характерные основные моменты ряда близких ситуаций, принадлежащих одному классу, называются скриптами.

Базовые фреймы — скрипты и пропозиции — содержат данные, всегда истинные в рассматриваемой ситуации, и образуют «верхние уровни» фрейма. «Нижние уровни» фрейма содержат множество терминалов (ячеек), которые могут быть заполнены различными в каждом конкретном случае данными. Сами эти данные могут выступать в качестве «подфреймов» [12]. Анализ текстов, описывающих катастрофу, показывает, что верхний уровень структуры фрейма «катастрофа» представлен следующими скриптами:

- неукротимая сила   Sturmgepeitschte Wogen sind, wie das große Bild zeigt, von unbändiger Kraft (Geo Magazin, 1997: № 4).
- внезапность   Die Katastrophe kam plötzlich: Gerade einmal 500 Jahre hat es gedauert, bis zum Ende der letzten Eiszeit der Meeresspiegel stark angeschwollen war - in erdgeschichtlichen Dimensionen ein Wimpernschlag (Geo Magazin, 1997: № 3).
- масштабность   Seuche unerhörten Ausmaßes zog über den Kontinent (Die Zeit, 2001: № 41).
- разрушение   Waldbrand vernichtete 50 Hektar Kiefernbestand (Geo Magazin, 2002: 22.03).
- жертва   Dutzende Rettungsfahrzeuge waren am Unglücksort in Ayat, 75 Kilometer südlich von Kairo, im Einsatz. Moscheen wurden geöffnet, um Verletzte aufzunehmen. Dorfbewohner halfen bei der Suche nach Überlebenden (Die Zeit, 2001: № 19).
- смерть   Beim Absturz des Überschallflugzeugs vom Typ Concorde in der Nähe des Pariser Flughafens Charles de Gaulles (Roissy) sind am Dienstag 113 Menschen ums Leben gekommen (Die Welt, 2001: № 4).
- несчастье   Nirgendwo auf der Welt verbreitet sich die Seuche so schnell wie im südlichen Afrika. Doch Aids ist nicht nur eine menschliche Tragödie, die Krankheit hat sich auch zum volkswirtschaftlichen Problem entwickelt (Die Zeit, 2001: № 39).
- страх   Aufgeschreckt von der Eruption und etwa einem Dutzend Erdbeben flohen rund 500 000 Kongolesen in die Umgebung, viele bis ins Nachbarland Ruanda (Geo Magazin, 1997: № 4).

Сравнение данных скриптов с дистинктивными и энциклопедическими признаками показывает, что они во многом совпадают. Это объясняется тем, что и семантические признаки концепта, и скрипты представляют собой базовые компоненты значения рассматриваемого концепта.

Второй компонент верхнего уровня фрейма «катастрофа», его пропозиция, включает ситуации, признаками которых являются вышеупомянутые скрипты. Каждая ситуация входит в состав единого фрейма катастрофы и одновременно является его подфреймом. Таким образом, структура концепта «катастрофа» может быть представлена как гипонимический фрейм, в котором предметные сущности объединяются родо-видовыми отношениями. Тип связи можно определить как отношение включения признака, или экзистенцию видовых различий. Данный типовой фрейм может демонстрировать соотношение между предметными сущностями, сопоставляемым по различным категориальным параметрам.

Фрейм «катастрофа» является гиперонимом к ряду гипонимов, входящих в состав двух крупных фреймов — «природные катастрофы» и «техногенные катастрофы». Так, например, к природным катастрофам относятся землетрясения, цунами, наводнения, лесные пожары, засухи и др. Каждый из этих типов катастроф представлен двумя основными смысловыми центрами, вокруг которых разворачивается конкретная ситуация катастрофы, это — «*субъект катастрофы*» и «*объект воздействия катастрофы*» (патронимический фрейм). Под «*субъектом катастрофы*» понимается приводящая к радикальным, чаще всего роковым изменениям сила. Как «*объект воздействия катастрофы*» мы обозначаем все, что подвергается уничтожению или разрушению с ее стороны. Вокруг смысловых центров по типу предметноцентрического фрейма группируются определенные скрипты, в которых фокусируются отношения между «*субъектом катастрофы*» и «*объектом воздействия катастрофы*».

Рассмотрим средства репрезентации данной структуры на примере ситуации землетрясения. Землетрясение является гипонимическим подфреймом фрейма «природная катастрофа». В пропозиции фрейма «природные катастрофы» находятся участники ситуации: «*субъект катастрофы*» — двигающиеся слои земли и подземные толчки, «*объект воздействия катастрофы*» — человек или масса людей (народ, нация), а также предметы цивилизации.

Несмотря на то, что «*субъект катастрофы*» и «*объект ее воздействия*» не являются эквивалентами обозначений членов предложения, различные синтаксические функции, в которых они выступают в высказывании, отражают восприятие катастрофы носителем языка. Если катастрофа изображается в виде нападающей силы, то обычно «*субъект катастрофы*» выступает в функции подлежащего и предложение строится в активном залоге. Если же внимание сосредоточено на результатах или последствиях катастрофы, и «*субъект катастрофы*» рассматривается как виновник трагедии, то он представлен в предложении в функции косвенного дополнения, а предложение строится в пассивном залоге, в результате чего главным смысловым центром в предложении становится действие, которое направлено на «*объект воздействия катастрофы*».

Ein Nachbeben hat erneut Mittelitalien erschüttert, mindestens 15 Menschen wurden dabei verletzt. Und wieder wurde San Giuliano schwer getroffen (Die Welt, 2002: 02. 11).

В случае употребления глагольного сказуемого в активном залоге «*объект воздействия катастрофы*» сопровождается определением, часто выраженным причастием совершенного вида, ср.:

Kritiker warfen den Behörden unterdessen vor, das zusammengestürzte Schulgebäude sei baufällig gewesen, zudem habe es zunächst Chaos unter den Rettungskräften gegeben (Die Welt, 2002: 02. 11).

Поскольку «*субъект катастрофы*» фрейма «землетрясение» — двигающиеся слои земли и подземные толчки, его основным скриптом является «неукротимая сила». При характеристике движения земли используются глаголы: *sich bewegen, beben, wanken, erschüttern*, например:

Der Boden wankte unter seinen Füßen, alle Wände des Gefängnisses rissen, der ganze Bau neigte sich nach der Strasse zu inzustürzen, und nur der, seinem langsamen Fall

begegnende, Fall des gegenüberstehenden Gebäudes, verhindert durch eine zufällige Wölbung, die gänzliche Zubodenstreckung desselben (H. Kleist. Das Erdbeben in Chili, s. 5).

Представление человека о разбушевавшейся природе ярко иллюстрируют эпитеты, характеризующие субъект катастрофы как сметающую все на своем пути, освобожденную от оков стихию, например, *entfesselte Naturgewalten, zerstörende Gewalt*.

«Объектом воздействия катастрофы» во фрейме «землетрясение» обычно являются люди и различные сооружения. К доминирующим скриптам при описании людей можно отнести «жертву» и «смерть». Реализации скрипта «жертва» служат существительные *das Opfer, das Todesopfer, die Toten, die Betroffenen, die Leichen, die Verletzten, die Überlebenden, die Obdachlosen*; глагол *verletzen*, а также устойчивое словосочетание *zum Opfer fallen*:

Insgesamt wurden nach einer ersten Bilanz beim ersten Beben 61 Menschen verletzt. Die meisten Opfer waren jünger als zehn Jahre (Die Welt, 2002: 02. 11).

Основными лексическими единицами, передающими скрипт «смерть» можно назвать существительные *Tote, Leiche, Erschlagene*; прилагательное *tot*; глагол — *töten* и устойчивое словосочетание *ums Leben kommen*.

Mindestens 210 Tote nach schwerem Erdbeben in Aphganistan (Die Welt, 2002: 03. 05).

Со скриптами жертва и смерть тесно связан скрипт «несчастье». Основными лексическими единицами, реализующими данный скрипт, являются существительные *Unglück, Unfall, Schmerz, Verzweiflung, Tragoedie*.

Составной частью фрейма «землетрясение» является также скрипт «страх», реализуемый в текстах посредством существительных, отражающих различную силу человеческих эмоций: *Angst, Schrecken, Entsetzen, Panik*; прилагательных *angstvoll, schreckenvoll*; глаголов *erschrecken, befürchten, zittern* и соответствующих причастий:

Zitternd, mit sträubenden Haaren und Knien, die unter ihm brechen wollten, glitt Jeronimo über den schiefgesenkten Fussboden hinweg, der Öffnung zu, die der Zusammenhang beider Häuser in die vordere Wand des Gefängnisses eingerissen hatte (H. Kleist. Das Erdbeben in Chili, s. 6).

Jeronimo Rugera war starr vor Entsetzen; und gleich als ob sein ganzes Bewusstsein zerschmettert worden wäre, hielt er sich jetzt an dem Pfeiler, an welchem er hatte sterben wollen, um nicht umzufallen (H. Kleist. Das Erdbeben in Chili, s. 5).

Остальные скрипты — «внезапность», «масштабность», «разрушение» типичны как для субъекта катастрофы, так и для объекта ее воздействия, поскольку процесс и результат тесно взаимосвязаны друг с другом, например, при изображении обрушивающихся на человека сил природы скрипт «разрушение» приписывается «субъекту катастрофы». Главную роль в данной ситуации выполняют глаголы со значением «разрушать»:

Er wünschte, dass die zerstörende Gewalt der Natur von neuem über ihn einbrechen möchte (H. Kleist. Das Erdbeben in Chili, s. 7).

Если подчеркивается интенсивность разрушающей силы, то при «субъекте катастрофы» в качестве эпитетов употребляются причастия несовершенного вида, например, *verheerendes Ereignis*. Причастия совершенного вида употребляются при «объекте воздействия катастрофы» и позволяют изобразить степень разрушения: *zerschossene Ruinen, zerborstene Metallplatten*. Помимо глаголов и причастий встречаются также существительные, характеризующие разрушения различных масштабов, начиная с одного дома и кончая целым городом (*Hausruinen, Stadttrümmern*):

Die Ruinen des Fabrikgebäudes ragen in den blauen Himmel (Sächsische Zeitung, 2002: 21. 08).

При описании масштабов катастрофы используются прилагательные *zahlreich, tausendfach* и числительные, указывающие на статистические данные о количестве пострадавших и объемах разрушений.

«75 leblose Körper habe er allein in der Unglücksnacht geborgen», sagt der Schreiner Layo Sunny, «alte und junge, grosse und kleine, Schwangere und Säuglinge, die noch auf den Rücken ihrer Mütter gebunden waren» (*Der Spiegel*, 2002: № 6).

Х. Клейст изображает масштабы землетрясения при помощи перечисления всех уголков города, охваченных землетрясением, наслаивая их один на другой.

Hier lag ein Haufen Erschlagener, hier ächzte noch eine Stimme unter dem Schutte, hier schrieen Leute von brennenden Dächern herab. Hier kämpften Menschen und Tiere mit den Wellen, hier war ein mutiger Retter bemüht zu helfen, hier stand ein anderer bleich wie der Tod und streckte sprachlos zitternde Hände zum Himmel (H. Kleist. *Das Erdbeben in Chili*, s. 6).

Скрипт «внезапность» реализуется благодаря использованию глагола *ausbrechen*, наречий *sofort*, *plötzlich*, *unerwartet*, в ряде случаев для передачи внезапности происшедшего используются эллиптические предложения:

Dann fiel die gesamte Stadt plötzlich ins Dunkel (*Die Zeit*, 2003: № 10).

Аналогичную структуру имеет фрейм «техногенная катастрофа». В отличие от природных катастроф при описании техногенных катастроф основное внимание сосредоточено на объекте воздействия катастрофы, в то время как субъект катастрофы почти не упоминается. В качестве «объекта воздействия катастрофы» наряду с человеком и миром созданных им материальных вещей выступает природа: животные, леса, водоемы; а в качестве «субъекта катастрофы» — люди и используемые ими технические средства. Обоим смысловым центрам приписывается ряд скриптов, языковое представление которых во многом сходно с реализацией тех же скриптов во фрейме «природная катастрофа». К особенностям описания техногенных катастроф можно отнести их сравнение с природными катаклизмами.

Подводя итог представленной нами характеристике фреймовой структуры концепта «катастрофа», можно сказать, что его дистинктивные и энциклопедические признаки в качестве базовых фреймов — скриптов группируются вокруг смысловых центров пропозиционных ситуаций, признаками которых они являются. Смысловые центры - «субъект катастрофы» и «объект воздействия катастрофы» соотносятся с пропозиционной ситуацией как части целого. Сами же пропозиционные ситуации, сопологающиеся друг с другом по различным категориальным параметрам, являются составными частями гипонимического фрейма. Таким образом, интегративная модель концепта «катастрофа» представляет собой сочетание трех типов фреймов: гипонимического, патронимического и предметноцентрического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Квашнина Е. Н. Пословицы и поговорки в свете когнитологии // Житниковские чтения: Межкультурная коммуникация в когнитивном аспекте. Челябинск: ЧГУ, 2001. С. 304-306.
2. Стернин И. А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта // Когнитивная семантика: М-лы Второй Междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сент. 2000г. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С. 13-17.
3. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сент. 2000г. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С. 10-13.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. 797 с.
5. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1981. 624 с.
6. *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*. Mannheim – Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 1994. 1816 S.
7. Brockhaus F. A. *Brockhausenzyklopädie in 24 Bänden*. Mannheim, 1990. 1625 S.
8. Finegan E. *New Webster's Dictionary of the English Language*. – Dehli: College Edition Surjeet Publications, 1989. 1824 p.
9. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Изв. Рос. АН, 2001. № 6. Т. 60. 79 с.

10. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 159 с.
 11. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
 12. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 230 с.

*Наталья Владимировна ДРОЖАЩИХ —
 заведующая кафедрой английской филологии,
 кандидат филологических наук*

УДК 800.22

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ С ИНИЦИАЛЬНЫМ [В] (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ»)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросу о едином семантическом пространстве одного из фрагментов древнеанглийского лексикона, изучаемого в звукосимволическом ключе.

The existing vocabulary of Old English is classified according to both phonetic form and semantic domains to see whether initial phonemes and words containing these phonemes are more or less prevalent in certain semantic domains than in others.

В статье анализируется иконическое семантическое пространство фрагмента «лабиального» лексикона, в частности, лексики с инициальным [b], организованное по принципу звукосимволизма (о проблематике иконичности, фоносемантики и звуко-символизма см. [3; 1; 2; 10; 16; 14; 15; 13]). Одним из основных положений теории иконичности является утверждение о тесной взаимосвязи звука и значения, о генетической мотивированности звука как ведущей знаковой субстанции языка. Вопреки тезису Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака, «связь, соединяющая означающее с означаемым, или, что то же самое, последовательность фонем со смыслом, является необходимой» [10; 42, 89]. Согласно закону иконичности знака, выдвинутого С. В. Ворониным, знак в своих истоках является естественным, произвольным образованием, а семиогенез в целом — естественен, произволен, иконичен, (звуко-)изобразителен [2; 138]. Поскольку значение неразрывно связано с формой, и так же как форма обладает собственной энергией развития, каждое отдельное языковое значение является лишь условно дискретной единицей, вычлененной из общего семантического континуума языка [7; 13]. Представляется поэтому возможным установить зафиксированные языком семантические зависимости лексем, начинающихся с определенного звука. Мы полагаем, что данным объединениям присуще единое целостное содержание, истоки которого следует искать в глубокой древности. И хотя в структуре древнеанглийской лексики с инициальным [b] могут быть выделены разные семантические поля, подавляющее большинство лексем принадлежат звукосимволическому полю обозначений *округлых, выпуклых предметов*, сопряженных с абстрактными понятиями *роста, бытия, рождения, света* и смежных с ними значений. Рассмотрим ассоциируемые понятия более подробно.

Большое количество древнеанглийских номинаций связано с индоевропейской³ процессуальной семантикой:

рождения, роста, существования: barn ребенок, потомство, beagwe корзина < и. – е. *bher₁, - нести, рождать; beorg холм, курган, burg город, brega правитель, принц < и. – е. *bhereg- подниматься, быть высоким; bêam дерево, крест, колонна,

¹ Этимологический анализ древнеанглийских слов базируется на данных словарей [4; 6; 18; 19].